

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 5 статьи 3
Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые
законодательные акты в сфере уголовного законодательства»
от 10 марта 2021 года №29 в связи с обращением
Теплякова Виталия Владимировича

2 июля 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе:
председательствующего – Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А.,
Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш.,
Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы
с участием:

обращающейся стороны – Теплякова Виталия Владимировича,
представителей Абдужалилова Ахмеда Сапарбековича, Матцакова Самата
Аскаревича по доверенности;

стороны–ответчика – Ысыранова Самата Кыштообековича,
постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в
Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц – Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Калыгул уулу Бакыта, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Сабырова Кубанычбека Сабыровича, Курвангалиева Бексултана Курвангалиевича, представителей Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Ногойбаева Актана Патрисовича, представителя Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Аралбаева Урмата Сагыналиевича, Аманова Акбара Бактыбековича, представителей Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности подпункта «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года №29.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились ходатайство Теплякова В.В., а также обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемая норма.

Заслушав информацию судьи-докладчика Касымалиева М.Ш., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 13 декабря 2024 года поступило ходатайство Теплякова В.В. о проверке соответствия подпункта «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года №29, которым была исключена норма, предусматривающая запрет на прекращение уголовного дела по истечении срока давности при наличии невозмещенного материального ущерба.

По мнению заявителя, отмена данной нормы повлекла за собой нарушение его конституционных прав, поскольку исключила предусмотренные ранее законодательством гарантии защиты имущественных интересов потерпевшего в уголовном процессе.

Так, из материалов дела следует, что в 2014 году гражданин Разваляев Г.Ю. предложил Теплякову В.В. участие в совместной предпринимательской деятельности в сфере швейного производства. Под этим предлогом он от последнего получил денежные средства, что подтверждается выданной распиской. Однако впоследствии Разваляев Г.Ю. не исполнил принятые обязательства и присвоил указанные средства, причинив Теплякову В.В. материальный ущерб.

Указанные обстоятельства послужили основанием для возбуждения в отношении Разваляева Г.Ю. уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 166 Уголовного кодекса Кыргызской Республики в редакции от 1 октября 1997 года (мошенничество). По завершению предварительного расследования уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением было направлено в Свердловский районный суд города Бишкек.

Однако постановлением этого суда от 11 мая 2017 года указанное

уголовное дело было прекращено за истечением срока давности уголовного преследования несмотря на то, что обвиняемый не признавал вину в совершении инкриминируемого ему деяния. Данное постановление было оставлено без изменения определением Бишкекского городского суда от 23 июня 2017 года. Впоследствии, Верховным судом указанные судебные акты были отменены, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение для устранения допущенных нарушений норм процессуального права. В частности, Верховный суд указал, что при удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела суд первой инстанции не принял во внимание тот факт, что обвиняемый свою вину не признал, что подтверждается протоколом судебного заседания суда первой инстанции.

Несмотря на указания суда кассационной инстанции, при последующих рассмотрениях дела судом первой инстанции уголовное преследование в отношении обвиняемого вновь прекращалось по тому же основанию и также без должной правовой оценки позиции обвиняемого. Учитывая это, заявитель считает, что суды первой и апелляционной инстанций фактически игнорировали указания Верховного суда, оставляя без устранения ранее допущенные нарушения уголовно-процессуального закона. Тем самым, такая ситуация привела к ненадлежащему рассмотрению вопроса о возмещении причиненного ущерба.

Кроме этого, как указывает субъект обращения, сложившаяся судебная практика носит незаконный и дискриминационный характер, формируя состояние правовой неопределенности в части прав потерпевшего. Она выражается в том, что суды при рассмотрении уголовных дел фактически отдают приоритет интересам только обвиняемого, нарушая принцип равенства сторон в уголовном процессе. В частности, адвокаты обвиняемого систематически заявляют ходатайства о прекращении дела в связи с истечением срока давности, с которыми обвиняемый формально соглашается, при этом не признавая вину. Хотя факт признания вины является существенным процессуальным условием для прекращения

уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, но суды, пренебрегая это обстоятельство, удовлетворяют такие ходатайства и выносят постановления о прекращении дела.

В связи с чем, Тепляков В.В. полагает, что в тот период, когда уголовные дела прекращались за истечением срока давности уголовного преследования, вопрос о компенсации причиненного ущерба оставался вне поля надлежащего процессуального рассмотрения. При этом, отсутствие признания вины, но не возражения против такого прекращения обвиняемым, не препятствовало принятию судом постановлений о прекращении дела. А это, как отмечает субъект обращения, является нарушением и воспрепятствованием к реализации конституционного права на судебную защиту.

Тепляков В.В. также отмечает, что часть 3-1 статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК) (действовавший с 2019 года по 2021 год), которая предусматривала запрет на прекращение уголовных дел по истечении срока давности без возмещения материального ущерба, обеспечивала возможность потерпевшему в восстановлении нарушенных прав на возмещение причиненного ущерба. Ее отмена Законом Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года, а также отсутствие в последующем правового механизма регулирования этого вопроса вплоть до 16 февраля 2024 года (аналогичная норма была восстановлена путем включения в часть 4-1 статьи 27 УПК), способствовали произвольному толкованию положений закона об его действии во времени, что повлекло неблагоприятные последствия для потерпевшего, одновременно обеспечив правовые преимущества обвиняемому.

После восстановления уголовно-процессуальной нормы об отмеченном выше запрете, суд первой инстанции постановлением от 22 июля 2024 года вновь прекратил уголовное дело по тому же основанию (в связи с истечением

срока давности), но уже, применив часть 2 статьи 3 УПК, устанавливающую, что закон, возлагающий новые обязанности, отменяющий либо умаляющий прямо или косвенно права участников процесса, либо ограничивающий их реализацию дополнительными условиями, не имеет обратной силы. Определением суда апелляционной инстанции от 5 ноября 2024 года вышеуказанное постановление было оставлено без изменения.

Заявитель указывает, что суды первой и апелляционной инстанций истолковали действие уголовно-процессуального закона во времени исключительно в интересах обвиняемого, что, по его мнению, привело к нарушению конституционных гарантий равенства всех перед законом и судом, а также права на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство.

Также Тепляков В.В. обращает внимание на то, что процесс разрешения его вопроса продолжает сохранять затяжной и циклический характер с 2017 года по настоящее время, не находя окончательного разрешения. Верховным судом неоднократно отменялись судебные акты с возвращением уголовного дела на новое рассмотрение, а судами же первой инстанции производство по делу повторно прекращалось, каждый раз без устранения нарушений процессуального характера. По утверждению заявителя, такое затягивание судебного процесса фактически лишило его возможности реализовать гарантированное Конституцией право на своевременное восстановление нарушенных прав, в том числе право на получение компенсации причиненного материального ущерба.

Таким образом, в связи с признанием утратившей силу части 3-1 статьи 26 УПК, содержащей запрет на прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям без разрешения вопроса о возмещении причиненного ущерба, заявитель ставит под сомнение ее отмену с позиции соблюдения конституционного запрета на принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека.

С учетом изложенного, заявитель просит проверить оспариваемую

норму на соответствие части 2 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56, а также частям 1, 2 статьи 61 Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 13 января 2025 года ходатайство Теплякова В.В. было принято к производству.

Сторона – ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранов С.К. выразил несогласие с доводами заявителя и считает оспариваемую норму не противоречащей Конституции.

По его мнению, исключение части 3-1 статьи 26 УПК, повлекшее временное устранение запрета на прекращение уголовного преследования при невозмещенном ущербе, не создает препятствий для реализации права на защиту через другие судебные механизмы и не свидетельствует о нарушении конституционных прав. Иначе говоря, действовавшее в указанный период правовое регулирование не освобождало обвиняемого от обязанности возместить причиненный материальный ущерб. Потерпевший, соответственно, сохранял возможность защиты своих имущественных интересов посредством обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства.

На основании изложенного сторона-ответчик указывает, что государство, являясь гарантом, обеспечивающим беспрепятственное осуществление каждым участником процесса права на судебную защиту, доступность правосудия и возможность выбора способа его реализации, вправе осуществлять изменения в законодательстве, исходя из предоставленных ему дискреционных полномочий. В связи с чем, Ысыранов С.К. считает, что оспариваемая норма не может быть признана неконституционной.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Молдобаев А.Т. придерживается той же позиции, что и сторона-ответчик.

Вместе с тем, он обращает внимание на то, что Законом «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 16 февраля 2024 года №50 была восстановлена норма, запрещающая прекращение уголовного дела без возмещения материального ущерба. Это, по его мнению, свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить более эффективную защиту имущественных прав потерпевших.

Он также указывает, что в соответствии с пунктом 22 части 4 статьи 40 УПК, потерпевший вправе требовать возмещения как материального, так и морального вреда, причиненного преступлением, в порядке гражданского судопроизводства. Однако в период действия нормы, допускавшей прекращение уголовного дела без возмещения материального ущерба, сложившаяся правоприменительная практика, по его мнению, могла ограничивать реализацию этих прав.

В то же время, Молдобаев А.Т. подчеркивает, что обязанность обвиняемого по возмещению материального ущерба сохраняется независимо от факта прекращения уголовного дела или освобождения лица от уголовной ответственности по истечении срока давности уголовного преследования.

Представитель Верховного суда Сапиянова М.Н. указывает, что законодатель обладает широкими дискреционными полномочиями в сфере уголовно-процессуального регулирования, включая установление сроков давности и условий прекращения уголовных дел. Это, по ее мнению, направлено на обеспечение правовой определенности и стабильности, способствует оптимизации уголовного судопроизводства, процессуальной экономии и эффективному перераспределению ресурсов системы правосудия, что в свою очередь, расширяет доступ граждан к судебной защите.

Комментируя отмену части 3-1 статьи 26 УПК, ограничивавшей возможность прекращения уголовного дела в случае невозмещенного материального ущерба, Сапиянова М.Н. подчеркивает, что само по себе исключение данной нормы не нарушает конституционные права

потерпевшего. Законодательство предусматривает альтернативные, эффективные механизмы защиты его прав, в том числе возможность предъявления гражданского иска о возмещении материального ущерба.

Кроме того, как подчеркивает представитель Верховного суда, статья 141 Кодекса Кыргызской Республики о неналоговых доходах освобождает истцов по делам о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, от уплаты государственной пошлины. Это, по ее мнению, подтверждает возможность эффективной защиты прав потерпевших независимо от исхода уголовного дела.

В связи с изложенным. Сапиянова М.Н. считает доводы заявителя необоснованными.

Представитель Генеральной прокуратуры Калыгул уулу Бакыт в целом выразил мнение, схожее с позицией стороны – ответчика.

Вместе с тем, он считает, что выражение обвиняемым согласия на прекращение уголовного дела за истечением срока давности на стадии следствия, в том числе в судебном заседании, должен рассматриваться как добровольный и осознанный отказ от предоставленных ему гарантий. Такое согласие свидетельствует о признании виновности и подтверждает наличие причиненного материального ущерба, который подлежит возмещению в полном объеме. В противном случае уголовное дело должно рассматриваться в общем порядке с вынесением соответствующего приговора.

В связи с этим Калыгул уулу Б. полагает возможным допустимость рассмотрения гражданских исков о возмещении материального ущерба по существу при наличии имущественного спора по уголовному делу, включая придание таким делам преюдициальности без уплаты государственной пошлины и учета сроков исковой давности.

Представители Акыйкатчы (Омбудсмена) высказали согласованную позицию относительно последствий отмены части 3-1 статьи 26 УПК. Аралбаев У.С. указал, что такое изменение в законодательстве создало условия для фактического уклонения обвиняемых от возмещения ущерба,

что препятствует восстановлению нарушенных прав потерпевших и подрывает принципы справедливого правосудия. В свою очередь, Аманов А.Б. подчеркнул, что исключение процессуального механизма, обязывающего предварительное возмещение ущерба как условие прекращения уголовного дела, противоречит части 2 статьи 56 Конституции.

С учетом отмеченного, представители Акыйкатчы считают, что оспариваемая норма привела к умалению права на восстановление нарушенных прав, включая право на компенсацию вреда.

Представители Государственного комитета национальной безопасности Сабыров К. С., Министерства внутренних дел Абдыралиев А.Т., а также постоянный представитель Министерства юстиции в Конституционном суде Джаркынбаев А.Д. придерживаются позиции о конституционности оспариваемой нормы и привели доводы аналогичные доводам полномочного представителя Жогорку Кенеша в Конституционном суде Ысыранова С.К.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, выслушав мнения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, приходит к следующим выводам.

1. Предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу является:

Подпункт «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года №29, изложенное в следующей редакции:

«Статья 3.

5) в статье 26:

в) часть 3-1 признать утратившей силу.»

Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» 19 марта 2021 года №21-22, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является

действующим.

В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

В этой связи, в порядке пояснения Конституционный суд считает необходимым отметить, что оспариваемая норма по своей правовой природе представляет собой процедуру законодательной техники, выражающуюся в официальном признании утратившей силу ранее действовавшего правового предписания. Однако подобная норма не может быть исключена из предмета конституционного контроля лишь по мотиву его формально-технического характера.

Отмена нормы из правового регулирования, выраженная в технической процедуре утраты силы, является юридически значимым действием, способным повлечь последствия для функционирования системы гарантий конституционных прав.

Таким образом, оценке подлежит не способ выражения воли законодателя об исключении нормы, а те правовые последствия, которые могут наступить или наступили в результате ее отмены, с позиции их влияния на объем, содержание и фактическую реализацию конституционно-гарантированных прав и свобод.

2. Признание прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности, закрепленное в Конституции, служит фундаментальным ориентиром как для системы публичной власти, так и для правопорядка в целом. Это не декларативное утверждение, а основополагающее конституционно-правовое требование, налагающее на государство обязанность по созданию эффективных правовых механизмов, обеспечивающих полноценную реализацию и защиту прав и свобод каждого.

В этом контексте статья 56 Конституции приобретает системное значение, первая часть которой предписывает государству обеспечивать реализацию прав и свобод человека в порядке, установленном Конституцией и законами. Это предполагает институционализацию этих прав через правовую систему, функционирующую в соответствии с принципами доступности, эффективности и правовой определенности.

В свою очередь, часть вторая этой же статьи содержит директивный запрет на принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы.

Такое положение предстает в качестве императивного ограничения пределов усмотрения законодателя, вытекающего из самой природы конституционного правопорядка, которая исключает допустимость произвольного или регрессивного изменения ранее признанных и институционально закрепленных правовых гарантий.

Более того, дискреционные полномочия законодателя неразрывно связаны и с принципом соразмерности, неотделимым от содержания справедливости, задающего пределы дискреции. Это означает, что любое облегчение правового положения одной стороны, в частности лица, совершившего правонарушение, не должно порождать чрезмерного и необоснованного ограничения прав другой стороны - потерпевшего, а также не должно подрывать общественные интересы и ослаблять доверие к правовой обоснованности и легитимности принимаемых решений.

3. Система уголовного правосудия занимает ключевое место в реализации конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека. Ее назначение заключается не только в привлечении к уголовной ответственности лиц за совершенные преступления, но и в укреплении правопорядка, обеспечении возмещения причиненного преступлением вреда и защите прав всех участников уголовного процесса.

Эффективное решение этих задач требует функционирования уголовного судопроизводства как публично-правового института, обеспечивающего баланс между интересами личности, общества и

государства. В этом контексте особое значение приобретают процессуальные гарантии, направленные на обеспечение законности, равенства сторон и достижение социальной справедливости.

В рамках обозначенной системы институт прекращения уголовного дела представляет собой самостоятельный правовой инструмент, направленный на оптимизацию уголовного процесса и снижение уровня уголовной репрессии.

Его правовая природа заключается в возможности завершения уголовного преследования без вынесения приговора, что, в зависимости от основания, может повлечь как признание за лицом права на реабилитацию, так и прекращение преследования по причинам, при которых вина не опровергается, но дело не подлежит дальнейшему рассмотрению. Тем самым, данный институт отражает дифференцированный подход законодателя, при котором возможность прекращения уголовного преследования зависит как от установленности обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по делу, так и от воли обвиняемого, который вправе возражать против прекращения, добиваясь реабилитации.

Так, в статье 27 УПК предусмотрены основания для прекращения уголовного дела, в том числе в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Его применение допускается как на досудебной, так и на судебной стадиях, что обеспечивает необходимую вариативность процессуальных решений, основанную на принципе гуманизма и выражающую акт государственного снисхождения.

При этом, следует особо подчеркнуть, что подобная форма правового реагирования в части гибкости правоприменения, не подлежит реализации в случаях, когда обвиняемый возражает против прекращения дела и выражает намерение добиться судебного рассмотрения по существу. Именно поэтому уголовно-процессуальное законодательство содержит императивное предписание, учитывающее волю обвиняемого, заинтересованного в

подтверждении своей невиновности в рамках полноценного судебного разбирательства (часть 4 статьи 27 УПК).

Правовая обязательность рассматриваемого подхода получила подтверждение и в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 19 марта 2014 года, согласно которому, в случае, если обвиняемый, считая себя невиновным, возражает против прекращения уголовного дела по основанию истечения срока давности, уголовное производство подлежит продолжению и должно завершаться постановлением приговора — оправдательного либо обвинительного с освобождением от наказания при наличии соответствующих оснований. Тем самым закрепляется приоритет воли обвиняемого в выборе формы защиты и исключается возможность прекращения уголовного преследования вопреки его желанию быть оправданным в судебном порядке.

Однако, если же обвиняемый не возражает против прекращения уголовного преследования, но при этом не признает своей вины, возникает четко выраженная необходимость для уполномоченных государственных органов направлять все такие дела на судебное рассмотрение по существу. Это единственно допустимая конституционная форма установления виновности (часть 1 статьи 57).

В контексте рассматриваемого обращения заявителя действующая редакция части 4 статьи 27 УПК породила такую неоднозначную и несогласованную правоприменительную практику в вопросе прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности. Согласно этой норме, прекращение дела не допускается, если обвиняемый возражает против этого. На практике норма толкуется в сугубо формальном ключе, сводя оценку процессуальной позиции обвиняемого исключительно к факту его согласия или несогласия на прекращение уголовного преследования. При этом такие юридически значимые обстоятельства, как непризнание обвиняемым своей вины, остаются без должного правового учета.

Однако обозначенное правовое положение не может и не должно рассматриваться в качестве инструмента для ухода от реализации правосудия. Законодательно установленная гибкость, допускаемая в порядке исключения, не может трансформироваться в средство процессуального манипулирования или злоупотребления предоставленными полномочиями, способного подорвать основополагающие принципы уголовного судопроизводства. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям при отсутствии признания вины не должно использоваться как формальный метод завершения производства без судебного разбирательства и надлежащей оценки доказательств в рамках процесса, завершающегося постановлением оправдательного либо обвинительного приговора. В равной мере недопустимо превращение такой процедуры в инструмент для обвиняемого, сознательно уклоняющегося от правовой квалификации своих деяний и препятствующего вынесению судебной оценки содеянному.

Таким образом, Конституционный суд подчеркивает, что вопрос о допустимости прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям не может рассматриваться в отрыве от процессуальной позиции обвиняемого в отношении признания вины. Формальное согласие на прекращение уголовного дела может иметь юридическое значение только тогда, когда обвиняемый признает свою вину и соглашается с квалификацией его деяния, а также со всеми правовыми последствиями такого признания.

В отсутствие признания вины прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям недопустимо, поскольку это приводит к подмене сущности правосудия процессуальным формализмом, лишаящим уголовный процесс его подлинного назначения.

Такая практика деформирует конституционные гарантии правосудия, включая право на судебную защиту, восстановление нарушенных прав всеми предусмотренными законом способами, и, как следствие, препятствует

достижению основной цели уголовного процесса — установлению истины, обеспечению справедливости и эффективной защите прав всех участников.

В связи с этим, во избежание неоднозначного толкования требуется нормативное уточнение, предусматривающее, что само по себе непризнание обвиняемым своей вины влечет обязательное продолжение уголовного производства и его разрешение возможно исключительно в судебном порядке по существу предъявленного обвинения.

Вместе с тем, правоприменителям, несмотря на вышеуказанные разъяснения о допустимости прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям лишь при признании обвиняемым своей вины, необходимо учитывать и другую конституционно-правовую установку, изложенную в Решении Конституционного суда от 3 мая 2023 года и в Постановлении о его разъяснении от 11 июня 2025 года. В соответствии с этой позицией, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе по сроку давности, недопустимо, если итоги такого дела имеют преюдициальное значение для разрешения вопросов в ином судопроизводстве. В этих случаях дело также подлежит обязательному судебному рассмотрению по существу.

4. Как было выше уже отмечено, при изменении правового регулирования необходимо исходить из приоритета неукоснительного соблюдения фундаментальных прав и свобод человека, исключая любые формы их умаления или отмены (часть 2 статьи 56 Конституции).

Конституционный суд в своих правовых позициях разъяснил, что отмена прав и свобод означает исключение конституционно закрепленного или общепризнанного права или свободы из конституционно-правового статуса человека, а их умаление рассматривается в разрезе с уменьшением материального содержания прав и свобод, сужением их пределов, как они зафиксированы в Конституции, а также минимизацией гарантий прав и свобод, в том числе в результате государственного предпочтения одной группы прав в ущерб другой (другим правам). Различие состоит в том, что

отмена подразумевает отрицание самой возможности права, официальный отказ от права, а умаление же представляет собой явление, когда право не отменяется, но его гарантированный объем снижается вплоть до полного обнуления вследствие нормативного регулирования.

Логическое развитие изложенной установки на недопустимость умаления и отмены прав и свобод человека получило закрепление в части 2 статьи 3 УПК, согласно которой при изменении процессуального порядка, затрагивающего объем или содержание прав участников уголовного судопроизводства, подлежит неукоснительному соблюдению принципа запрета придания обратной силы нормам, ухудшающим их правовое положение.

Во всех иных правовых ситуациях применяется уголовно-процессуальный закон, действующий на момент совершения процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное прямо не предусмотрено самим Кодексом (часть 1 статьи 3 УПК).

Вместе с тем, в контексте рассматриваемого вопроса заявителя возникло спорное правоприменение, связанное с принципом действия уголовно-процессуального закона во времени, а именно с правовой допустимостью распространения вновь введенного запрета на прекращение уголовного дела по сроку давности при невозмещении причиненного материального ущерба на незавершенные уголовные производства, начатые до введения соответствующего регулирования. Поскольку указанное обстоятельство применялось компетентными органами как умаляющее и ухудшающее правовое положение только обвиняемого.

Конституционный суд отмечает, что критерии справедливости уголовного судопроизводства не исчерпываются соблюдением процессуальных процедур, но охватывают также фактическое восстановление и защиту нарушенных прав всех участников уголовного процесса. Иными словами, подлинная справедливость предполагает не только законность, но и

полноту правовой защиты, обеспечивающую учет и баланс интересов как обвиняемого, так и потерпевшего.

5. Одним из ключевых элементов такого баланса выступает гарантированное возмещение причиненного преступлением материального ущерба. Сказанное имеет конституционное основание в части 5 статьи 29 Основного Закона, которая закрепляет за каждым право на компенсацию материального вреда, причиненного неправомерными действиями.

Такое возмещение причиненного материального ущерба представляет собой не факультативное последствие уголовного преследования, а его системно обусловленную и обязательную цель, вытекающую как из указанных конституционных положений, так и из задач, определенных статьей 6 УПК. Установление факта причинения вреда, признание потерпевшего и реализация его права на компенсацию — это не производные или второстепенные аспекты уголовной юстиции, а структурно значимые компоненты правовой защиты.

С этой точки зрения включение в уголовно-процессуальный закон положения о недопустимости прекращения уголовного дела по сроку давности при невозмещении ущерба не должно рассматриваться как проявление ретроактивного регулирования (придание обратной силы). Здесь оно выступает как выражение закрепленной за государством публичной обязанности по обеспечению восстановления нарушенных прав.

Институт срока давности, в свою очередь, необходимо воспринимать не как не защищаемое право участников процесса, а напротив, как меру государственного прощения, акт снисхождения, допустимую только при соблюдении определенных условий государством. Соответственно, он не предоставляет обвиняемому безусловного процессуального преимущества, так как пределы его применения определяются исключительно государством.

Именно поэтому, изменение порядка применения института освобождения от уголовной ответственности по сроку давности не затрагивает содержания основных прав обвиняемого, поскольку не посягает и

не нарушает ни одно из его конституционно или законодательно гарантированных прав. Точнее, не отменяет его права на защиту, не усиливает наказание, не вводит новую ответственность, не влечет дополнительного наказания, не изменяет квалификацию и не устанавливает новую обязанность.

Таким образом, Конституционный суд приходит к выводу о том, что установление в УПК условия о недопустимости прекращения уголовного дела по истечении срока давности при невозмещении причиненного ущерба не может квалифицироваться как норма, ухудшающая или умаляющее правовое положение обвиняемого. Правовая природа института срока давности указывает на его диспозитивный характер и формирование его в рамках законодательной свободы, точнее, он представляет собой неотъемлемую часть государственной уголовной политики гуманизации, но не закрепленное субъективное право участника процесса. Следовательно, законодатель, корректируя условия его применения, реализует дискреционную прерогативу, не затрагивающую содержание гарантированных Конституцией прав. Более того, важно подчеркнуть, что требование о возмещении ущерба не является новеллой в ущерб обвиняемому, а представляет собой один из способов реализации государством конституционной обязанности, вытекающей из права каждого на возмещение материального вреда, причиненного противоправными действиями.

В связи с этим положение, предусмотренное частью 2 статьи 3 УПК, устанавливающее запрет на придание обратной силы нормам, умаляющим либо ограничивающим права участников уголовного процесса, не подлежит применению к незавершенным уголовным делам, рассматриваемым на предмет прекращения по истечении срока давности при невозмещенном ущербе.

Поэтому, учитывая отсутствие фактического посягательства на установленный объем процессуальных прав обвиняемого, применяется

общее правило, закрепленное в части 1 статьи 3 УПК, согласно которому уголовно-процессуальные нормы применяются к процессуальным действиям и решениям, совершаемым после их вступления в силу, независимо от времени совершения деяния.

Кроме этого, Конституционный суд поясняет, что принятие процессуальных решений в период отсутствия запрета на прекращение уголовного дела по сроку давности при невозмещении ущерба, соответствовало действующему на тот момент правовому регулированию и, следовательно, не может быть поставлено под сомнение с точки зрения законности. Такое регулирование являлось правомерным в пределах действия закона во времени, а потому не подлежит ретроспективной переоценке. Возвращение впоследствии данной нормы в правовую систему не отменяет правомерность ранее принятых процессуальных решений.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать подпункт «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года непротиворечащим части 2 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56, а также частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики при условии правоприменения части 3 статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в редакции 2017 года, а также части 4 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в редакции 2021 года в том конституционно-правовом смысле, который выражен

Конституционным судом в мотивировочной части настоящего Решения.

2. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

№ _____